

насаждаться «исповедание римской веры», т. е. осуществляться «приготовительная работа к ловле рыб».⁶⁰

Планы Ильи Броджио остались лишь на бумаге, гимназия иезуитская никогда в Москве открыта не была, сам он после 1707 года в Москву более не вернулся. Там остались те же Милан и Берула, занятые, как и прежде, заботами о своей школе и о своих учениках. После перерыва в два-три года, в 1707 году, среди последних снова появилась значительная группа русских. На этот раз в школу вступило сразу около пятидесяти детей и юношей и опять из лучших московских семейств, как сообщал в Рим Броджио.⁶¹

Нам неясны обстоятельства и конкретные формы этого усиления притока русских учеников в школу иезуитов. Есть известие, что иезуиты якобы убедили Посольский приказ направлять к ним на обучение латинскому и немецкому языкам молодых людей, подготовлявшихся к дипломатической службе.⁶² Военная обстановка 1707 года была более сложной, нежели в 1705 году, нужда в людях на войне была не меньшая, но царь, видимо, находил теперь возможным освободить некоторую группу дворян от военной службы ради научной подготовки и работы иного рода.

Для характеристики этого второго периода в истории иезуитской школы мы, к сожалению, имеем слишком мало данных. Имперский резидент в Москве О. А. Плейер в своем известном отчете 1710 года кое-что сообщает по этому вопросу. Так, отсюда узнаем, что среди учеников и пансионеров иезуитов были дети тогда уже покойного «райхсканцлера», т. е. Ф. А. Головкина, затем сыновья М. А. Мусин-Пушкина, кн. Б. И. Куракина и др.⁶³ Однако в своих годичных отчетах миссионеры чрезвычайно редко говорят о своей школьной работе. В то время католическая миссия в Москве, видимо, испытывала значительные затруднения из-за отсутствия необходимых сил. Имперский резидент Плейер 26 августа 1715 года доносил в Вену, что как раз недостает учителя, граесергога для школы и отчасти для церкви, вследствие чего члены католической общины посылают своих детей на учение к лютеранам, а для пения в костеле приглашаются русские певчие, исполняющие по римскому ритуалу надлежащие песнопения (*gloria, credo, псалмы и т. п.*).⁶⁴

В отчете за 1715 год миссионеры все же отмечали, что «*schola solitas exercitationes habuit, ad quem etiam haeterodoxi filios suos recipi ambiebant*» («в школе ведутся обычные упражнения, и иноверцы добиваются приема своих сыновей в нее»)⁶⁵ Нам, впрочем, неясно, имеется ли в виду в данном случае и группа православных и продолжалась ли до 1715 года непрерывно та новая работа среди русских, которая была начата в 1707 году. Имеется, правда, сообщение от 1717 года, основанное на словах Б. И. Куракина, что якобы в школу в это время «*quasituta la loro giuventù andava ad imparare*» (ходило

⁶⁰ Там же, №№ 347—348 (169—170).

⁶¹ Д. В. Цветаев. Из истории иностранных исповеданий в Московском государстве XVI—XVIII вв. М., 1887, стр. 451—452; Д. А. Толстой. Римский католицизм в России, т. I, стр. 133; ср. St. Zaleski. Iezuici w Polsce, t. III, Lwów, 1903, s. 423 (прим.).

⁶² Д. А. Толстой. Римский католицизм в России, т. I, стр. 133.

⁶³ E. Heermann. Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands, Bd. I, SS. 230—131; Duk meyer. Korbs Diarium, I, S. 209; Мусин-Пушкины в 1710 г. обучались в Галле; об этом см.: H. Dœgries. Russlands Eindringen in Europa in der Epoche Peters des Grossen, S. 80; Ed. Winter. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde in 18. Jahrhundert, SS. 103—104.

⁶⁴ Донесение Плейера. Венский Государственный Архив, Россия, 1715, лл. 67—68.

⁶⁵ Annuae missionis 1715, Архив Societatis Iesu в Риме, Boh. 130, pag. 10.